

ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ ЖИВЫМИ»

Музыкант

С восемнадцати лет он играл что попало для крашенных женщин и пьяных мужчин. Он съедал в перерывах по паре холодных котлет. Музыкант полыхел. Он утратил талант. Появилось немало морщин. Он любил тот момент, когда выключат свет и пора убирать инструмент. А после игры, намотав на кулак электрические шнуры, он вставал у окна и знакомым халдеи приносил ему рюмку вина. Он видел снег на траве, и безумный оркестр собирался в его голове. Возникнул дирижер приносил лед-минор и горячее пламя-мажор.

Он уходил через черный ход, завернув илюграмм колбасы в бумагу для нот. Он прощался со мной, он садился в трамвай, он, как водится, ехал домой. И из всех новостей самой доброй была только весть об отъезде детей. Он ложился к стене как всегда повернувшись спиной к бесполезной жене. И ночью он снова слышал эту музыку.

Наутро жена начинала пить его ржавым, скрипучим смывком, называла его пауком и ловила дырками семейным сачком. Он вставал у окна, видел снег и мечтал о стакане вина. Было много причин, чтобы вечером снова удрать и играть для крашенных женщин и их безобразных мужчин.

Он был дрянной музыкант, но по ночам он слышал музыку. Он спивался у всех на глазах, но по ночам он слышал музыку. Он мечтал отравить керосином жену, но по ночам он слышал музыку.

Как из золота ведра
Каждый брал своим ковшем.
Все будет хорошо. Ты только не пролей.
Только, только ты гляди смелей,
Гляди да веселей.
Как из золота зерна
Каждый брал на каравай.
Велика казна.
Только, только ты не зевай,
Бери да раздавай.
Но что-то белый снег в крови.
Да что-то ветер за спиной.
Всем сестрам — по любви.
Ты только будь со мной.
Да только ты живи.
Только не бывай пугу ой-да месту святому.
Всем братьям — по кресту виноватому.
Только, только подмоги не проси.
Прими и донеси.
И поутру споет трубач песенку твоей души.
Все будет хорошо. Только ты не плачь.
Скоро, скоро. Ты только не спеши.

Рыбный день

Посмотри: сырая вага, затяжной зари,
Нас атакуют тучи пузыри,
Тугие мочевые пузыри.
Похоже наступает рыбный день.
По всем приметам будет рыбный день.
Всемирный праздник голубых соплей.
Налей в бокалы канцелярский клей.
Мы будем праздновать рыбный день.
Один из миллиона рыбных дней.

Рыбный день — шестьдесят минут молчанья в час.
Мой растворимый мир открыт для Вас.
И в паутину заводных сетей
Попалась пара заливных гостей.
Я разобью стекло зеркальных глаз,
Я применю слезоточивый газ.
Тогда для Вас наступит рыбный день.
По всем приметам ам будет рыбный день.
Всемирный праздник голубых соплей,
День рожденья голых королей
Я приглашаю Вас на рыбный день.
Международный рыбный день.

Налегке мы резво плавали в ночном горшке
И каждый думал о червячке
На персональном золотом крючке.
Но вот сейчас наступит рыбный день.
Смотри, сегодня будет рыбный день.
Сегодня все идет наоборот.
Вот-вот нам перекроют кислород.
Для тех, кто вовремя купил билет,
Сейчас настанет рыбный год —
Один из миллиона рыбных лет.

Когда мы вдвоем, я не помню о том,
На каком мы находимся свете.
Всяк — на своем.
Но я не боюсь измениться в лице,
Измениться в твоём бесконечно прекрасном лице.
Мы редко поем. Но когда мы поем,
Поднимается ветер и дразнит крылом.
Я уже на крыльце.
Хоть смерть меня срезь,
Да хоть держись меня жизнь,
Я позвал сюда гром.
Выше смута, апрель и гроза.
Ты только поверь: если нам тяжело,
Не могло быть иначе.
Тогда почему кто-то плачет?
Оставь воду цветам, возьми мои глаза.

Поверь, ты поймешь, как мне трудно раздеться,
Когда тебя нет, когда некуда деться.
Поверь и поймешь,
Что я уже никогда не смогу наглядеться туда,
Где мы могли бы согреться.
Когда будет осень и осень гвоздями
вколотит нас в дрожь,

Пойми, ты простишь,
Если ветреной ночью я снова сорвусь с ума,
Побегу по бумаге я.
Этот путь длиною в строку,
Да строка коротка.
Ты же любишь сама, когда губы огнем
Лижет магия языка.
Прости и возьмишь на ладонь мой огонь
И все то, в чем я странно замешан.
Замешано густо.

Раз так, я как раз и люблю.
Ух, вольно кобелю. Да рубил бы я сук.
Я рубил бы всех сук, на которых повешен,
Но чем больше срублю,
Тем сильнее затяну петлю.
Я проклят собой. Осинovým клином — в живое.
Живое возстало в груди все в царапинах
да в бубенцах.

Имеющий душу — да дышит. Гори, не губи.
Сожженной губой я шепчу, что, мол, я сгоряча,
Я — в сердцах. А в сердцах я-то весь, в сердцах.
И каждое бьется об лед, но поет.
Так любое бери и люби.
Не держись, моя жизнь.
Смертью после измеришь.
Я пропаду ни за грош, потому что и мне
ближе к телу сума.

Так проще — знать честь.
И мне пора уходить следом песне, которой ты
веришь.
Увидимся утром, тогда ты поймешь все сама.

Королева бутербродов

Резво кипит черный кофе.
Дремлет коньяк, рассыпав звездочки в штофе,
В бокалах кубики льда.
Все на столе. хлеб и масло — все на столе
Ну что ж, совсем не напрасно
Мы завернули сюда.

Пастила, орехи и колбаса,
Нереально сладкие чудеса.
Хорошо в плохую погоду
Заглянуть к королеве бутербродов.
Забегать, заскочить завернуть к ней на полчаса.
Не сняв пальто и галоши,
Мы сядем за стол и все, что сможем, положим
На свой широкий кусок.
Здесь мы ничем не рискуем —
Яблочный джем полопал с поцелуем
И апельсиновый сок.

Ветчина, конфеты и пастила.
Как пчела летает вокруг стола
Королева бутербродов,
Королева бутербродов
Удивительна, предупредительна и мила.

Тепло, уютно и чисто,
Мы скоро уходим, скрипя золотой зубочисткой
В слоновых зубах

Ах, исключительно доброе сердце,
Но, знаете, в ней не хватает перца,
И откуда эта соль на ее губах?

Подметая пепел от папирос,
Заплетая в нитку алмазы слез
Каждый день королева бутербродов,
Королева бутербродов
Каждый день ставит в воду бунеты бумажных роз.

Но в колокольчик над дверью
Снова кто-то звонит.
И королева готова
Принять незваных гостей,

И во дворце коммунальном
Вечный сквозняк — он выдувает из спальни
Сухие крошки страстей
Так проходят зимние вечера
Так проходят летние вечера.
Но никто с королевой бутербродов,
С королевой бутербродов,
Вот беда, никогда не останется до утра.

Сядем рядом, ляжем ближе
Да прижмемся белыми заплатами
к дырявому мешку.

Строгим ладом — ближе, ближе.
Мы переберем все струны,
Да по зернышку.
Перегулом-перебором
Да я за разговорами не разберусь,
Где Русь, где грусть.
Нас забудут да че скоро.

А когда забудут, я опять вернусь.
Будет время — я напомню.
Как все было скроено. да все опять перекрою.
Только верь мне только пой мне.

Только пой мне милая, я подпою.
Нить — как волос Жить — как колос.
Размолотит колос в дух и прах
один цепной удар.

Я все знаю. Дай мне голос
И я любой удар приму, как твой великий дар.
Тот, кто рубит сам дорогу,

Не кузнец, не плотник ты,
Да все одно — Поэт.
Тот, кто любит, да не к сроку.
Тот, кто исповедует, да сам того не ведает.
Но я в ударе Жмут ладони.
Все хлопочут бедные,
Но где ж им удержать зерно в горстях.
На гитаре, на гармонии,
На полене сучьем, на своих костях.
Злом, да ласкою да грехами
Растяни меня ты, растяни, как буйные меха.
Пропадаю с потрохами,
А куда мне, я лешему, потроха.
Но завтра — утро Все — сначала.
Заплетать на острых пальцах недотрогу-нить.
Чтоб кому-то полегчало.
Да разреши, пожалуй, я сумел бы все
На пальцах объяснить.
Тем, кто мукой да не мукою
Все приметы засыпает, засыпает на ходу.
Слезы с луком. Ведь подать рукою,
И погладишь в небе свою заново
рожденную звезду.

Ты, что рядом, ты, что выше,
Чем на колокольне звонкой звон.
Да где он? Все гемно.
Ясным взглядом — ближе, ближе.
Глянь в окно — да вот оно рассыпано, твое зерно.
Выше окон, выше крыши.
Ну, чего ты ждешь? Иди, смелей.
Лети еще, еще. Что высоко? Ближе, ближе.
Ну, вот еще теплой. Ты чувствуешь, как горячо.

Мы льем свое большое семя на лезвие того ножа,
Которым нас срезает время, когда снимает урожай.
Демократичней всех растений величие простой травы.
И две мозоли на коленях иным полезней головы.
Я приглашаю Вас к барьеру, своих испытанных
врагов,
За убеждения и веру плевать с десяти шагов.
Сегодня всем раздали крести — и умному, и дураку.
Погиб поэт — невольник чести. Сварился
в собственном соку.

Давай жевательной резинкой залепим дыры наших ран.
Разбив любимые пластинки уткнемся в голубой экран.
Шуты, фигляры и пророки сегодня носят ФЕНДЕРА,
Чтобы воспеть в тяжелом роке интриги скотного
двора.
И каждый вечер в ресторанах мы все встречаемся
и пьем,
И ищем истину в стаканах, и этой истиной блюем.

Мы запрежем свинью в карету, а я усядусь ямщиком.
И двадцать два квадратных метра объедем за ночь
с ветерком,
Мы вскроем вены торопливо надежной бритвой
Жиллет,
Но вместо крови льется пиво и только пачкает паркет.
Под тусклым солнцем чахло зреют любви святые
семена.
Любовь подобна гонимой, поскольку лечится она.
Мы льем свое большое семя на лезвие того ножа,
Которым нас срезает время, когда снимает урожай.

Похороны шута

Еловые лапы охотно грызут мои руки.
Горячей смолой заливают рубаху свеча.
Средь шумного бала шуты умирают от скуки
Под хохот придворных лангеев и вздох палача.
Лошадка лениво плетется по краю сугроба,
Сегодня молчат бубенцы моего колпана.
Мне тесно в уютной коробке отдельного гроба.
Хочется курить но никто не дает табака.

Хмурый дьячок с подбитой щекой
Тянет, выводит за упокой.
Плотник Демьян, сколотивший крест,
Как всегда пьян! Да нет, гляди-ка ты, трезв.
Снял свою маску бродячий актер.
Снял свою маску стрелецкий майор.
Дама в вуали опухла от слез.
И воет в печали ободранный пес.

Эй, дьячок, молись за спасение Божьего храма.
Эй, дама, ну что там из Вас непрерывно течет?
Из Ваших глазах эта старая скучная драма
Легко превращается в новый смешной анекдот.
Вот возьму и воскресну!
То-то вам будет потеха.
Вот так Не хочу умирать, да и дело с концом.
Подать сюда бочку отборного, крепкого смеха.
Хлебнем и закусим хрустящим соленым словцом,

Пенная брага в лад. где дьячка.
Враз излечилась больная щека.
Водит с крестом хорооводы Демьян.
Плотник, налитое Д: я уже пьян!
Спирт в банке грима мешает актер.
Хлещет «Стрелецкую» бравый майор.
Дама в вуали и радостный пес
Эх, поцеловали друг друга в засос.

Еловые лапы готовы лизать мои руки,
Но я их в костер, что растет из огаки свечи.
Да кто вам сказал, что шуты умирают от скуки?
Играй, мой бубенчик, работай, подлец, не молчи.
Я красным вином написал заявление смерти.
Причина прогула: мол, запил куда ж во кмало?
Два раза за мной приходили дежурные черти.
На третий сломались и скинулись по рублю.
А ночью сама притащилась слепая старуха,
Сверкнула серпом и сухо сказала: «Пора».
Но я подошел и такое ей крикнул на ухо,
Что кости от смеха гремели у ней до утра.

Спит и во сне напевает дьячок
Крутится-вертится старый волчок.
Плотник позвонит коллегу Христа.
Спит на забланных досках креста.
Дружно храпят актер и майор.
Дама с собачкой идут в темный бор.
Долго старуха тряслась у ностра...
Но я подошел и сухо сказал ей: «Пора».

Фото Георгия Молитвина.